

Н.В. Павлов

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ (1919 – 1932)

Историю Веймарской республики можно условно разделить на три периода.

Первый период продлился с момента возникновения республики до конца 1923 года. В эти годы существование молодого и еще нестабильного государства часто ставилось на кон. Поражение в первой мировой войне и оккупация Францией и Бельгией Рурской области, с одной стороны, сплотили немцев и обострили чувство национального самосознания. Версаль воспринимался подавляющим большинством населения как диктат и унижение со стороны Запада. С другой стороны, резко возросла внутривнутриполитическая нестабильность. Хрупкая структура республики подвергалась эрозии со стороны противников демократии - революционеров на левом фланге и путчистов на правом (путч Каппа 13 -16 марта 1920 г. и «пивной путч» Гитлера 8 – 9 ноября 1923 г.). Коллапс денежной системы, попытки сепаратистов при опоре на оккупационные державы отторгнуть Рейнскую область от Германии, коммунистические восстания в Тюрингии и Саксонии, конфликт Баварии с центральным правительством – все это ввергло государство в тяжелейший экзистенциальный кризис.

Внутриполитический кризис сопровождался кризисом в сфере внешней политики, где шла упорная борьба между немецкой стороной и державами-победительницами вокруг выполнения условий мирного договора.

С прекращением борьбы за Рурский бассейн и удавшейся санацией денежной системы в конце 1923 года начинается второй этап в истории Веймарской республики, который продлился до конца 1929 года. Это был период экономической стабилизации и политической консолидации, в том числе в сфере внешней политики. Это время называют еще «*эрой Штреземана*».

Выплаты репараций были реструктурированы при помощи американцев с принятием «*плана Дауэса*», который был сориентирован в большей степени на возможности германской экономики. *Локарнские соглашения* 1925 года (о неприкосновенности западных границ Германии и сохранении демилитаризации Рейнской зоны) вернули Германию в круг европейских держав в качестве равноправного партнера. Одновременно началось примирение с соседней Францией. Результатом трезвой германской внешней политики стал ее прием в *Лигу наций* в 1926 году. Период завершается мировым экономическим кризисом, который разразился в конце октября 1929 года и имел фатальные последствия для германской демократии.

Последний период Веймарской республики характеризуется ухудшением экономической ситуации в стране, скачкообразным ростом безработицы и прогрессирующим развалом основ демократии. Партии радикального толка и противники республики получают в этот период мощный приток из рядов безработных и разочарованных.

Падение Веймарской республики началось с мирового экономического кризиса в 1929 году. Промышленное производство сократилось в стране почти наполовину. Примерно таким же было падение реальной заработной платы и прожиточного минимума. Число безработных достигло 6 млн. человек. Разорялись мелкие и средние предприятия и банки, товарооборот сократился на одну треть. Иностранный капитал свернул свою помощь Германии. Что касается репараций, то в середине 1930 года, в соответствии с «*планом Юнга*» (по имени председателя комиссии экспертов), их размер был уменьшен, а с объявлением Соединенными Штатами моратория Германия прекратила выплату репараций.

Левые и правые радикалы в своей пропаганде педалировали тему массовой безработицы и общей нищеты и таким образом наращивали свой электорат. В рейхстаге уже не удавалось сформировать большинство, способное управлять страной. Веймарская республика пережила в общей сложности 16 правительств. В среднем каждое новое правительство формировалось через восемь с половиной месяцев.

Неспособность рейхстага образовать дееспособную исполнительную власть с опорой на парламентское большинство привело в марте 1930 года к тому, что находившийся с 1925 года на посту рейхспрезидента бывший фельдмаршал *Пауль фон Гинденбург** назначил канцлером представителя партии Центра, финансового эксперта *Хайнриха Брюннинга*, дав ему возможность сформировать правительство без какой-либо опоры на парламентские партии. С этого момента в Германии фактически произошел переход к прямому президентскому правлению, когда президент единолично решал, когда и какого канцлера ему назначить, а также, нужно ли или не нужно распустить рейхстаг. В последующие годы это привело к ликвидации парламентской системы и формированию авторитарного президентского режима.

Ранее малозначительное национал-социалистическое движение во главе с Адольфом Гитлером, сочетавшее крайне антидемократические тенденции и злобный антисемитизм с псевдореволюционной пропагандой, резко прибавило в весе с 1930 года, а в 1932 году стало сильнейшей партией**. После того, как в результате июльских 1932 года выборов в рейхстаг НСДАП стала представлять самую многочисленную фракцию в рейхстаге, Гитлер начал требовать от президента всей полноты исполнительной власти.

30 января 1933 года Гитлер принял присягу в качестве канцлера на конституции Веймарской республики. В кабинет вошли кроме членов его партии некоторые политики из правого лагеря, а также не принадлежавшие ни к каким партиям министры. В стране наступила диктатура национал-социалистов.

Версальский мир и его последствия для Германии

19 января 1919 года состоялись выборы в Национальное собрание (в них впервые смогли принять участие женщины), на которых внушительную победу одержала СДПГ. 11 февраля 1919 года Ф.Эберт был избран первым президентом республики. Правительство возглавил канцлер Филипп Шейдеман (СДПГ). Это правительство должно было решить две первоочередные задачи. Во-первых, ему предстояло консолидировать новую республику, отстояв ее от претензий на власть слева, что было сделано путем разгрома коммунистического движения с опорой на рейхсвер и добровольческие отряды. В результате произошло усиление правонационалистического фланга. В обществе и в парламенте возобладали силы, с большим недоверием относившиеся к молодому демократическому государству.

Главная проблема отцов-основателей нового государства состояла в том, что Веймарская республика была «республикой без республиканцев». Демократы, которые пребывали в меньшинстве, ради сохранения стабильности вынуждены были сотрудничать со старой элитой, прежде всего с военной верхушкой рейхсвера, с крупными промышленниками и юнкерством, которое поду грозой бойкота продовольственного

---

* Рейхспрезидент Веймарской республики был не только высшим представителем государства, но и человеком с таким кругом полномочий, что его можно было охарактеризовать как «эрзац-кайзера». Он был верховным главнокомандующим вооруженными силами, утверждал кандидатуру рейхсканцлера, в чрезвычайный период он был законодателем. Избираемый напрямую народом на семь лет, он мог рассчитывать на длительный период пребывания у власти законным демократическим путем. Именно второй германский рейхспрезидент, бывший кайзеровский генерал-фельдмаршал Пауль фон Гинденбург сыграл страшную роль в заключительной фазе Веймарской республики при переходе к нацистскому режиму.

** К концу 1932 года партия насчитывала около 850 тыс. членов. А на выборах в рейхстаг летом 1932 года она получила 230 мандатов (социал-демократы – 133, коммунисты – 89).

снабжения не желало земельной реформы. Аналогично дело обстояло и в добывающем секторе. Социал-демократы и свободные профсоюзы считали, что для изменения производственных отношений время еще не пришло, и поэтому действовали по принципу: сначала восстановление экономики, а затем, по мере целесообразности, социальные реформы. Не коснулись изменения и чиновничества. Консервативные государственные служащие, учителя, представители юстиции и муниципалитетов, которые не делали секрета из своих монархических убеждений, несмотря на жалобы местных рабочих советов, оставались на своих постах. Все они и после 1918 года являли собой оплот противников демократии.

Тем не менее, 22 июня 1919 года парламент принял *Веймарскую конституцию*, которая вступила в силу 11 августа. Формально она воплотила в себе давнишнюю мечту либералов об установлении демократии на парламентской основе, но так и не привела к фундаментальным изменениям в общественном сознании немцев, которые продолжали именовать страну империей.

Поражение Германии, которое высшее военное командование рейхсвера вынуждено было публично признать 2 октября 1918 г., и соответственно тяжелейшие условия Версальского мирного договора, возлагавшего на Германскую империю всю полноту ответственности за развязывание мировой войны, вызывало у населения глубочайший шок. Встречая возвращавшиеся с фронтов части, немцы не уставали повторять тезис о «непобедимости на поле битвы» немецких солдат. Вот только, мол, им нанесли «удар кинжалом в спину» революционеры, стоявшие у истоков Веймарской республики. Особенно усердствовала в пропаганде этой лжеидеи правая пресса. К ее сторонником принадлежал и фельдмаршал Пауль фон Бенеккендорф унд фон Гинденбург, который, выступая перед комиссией по расследованиям Национального собрания 18 ноября 1919 г., сослался на высказывание одного британского генерала, заявившего, будто германской армии был нанесен смертельный удар с тыла. Бесспорный авторитет бывшего фельдмаршала, которым он продолжал пользоваться в немецком обществе, способствовал тому, что легенда об «ударе кинжалом в спину», несмотря на ее полную абсурдность по существу, с невероятной быстротой распространилась по всей стране и достигла своей цели. Она постоянно использовалась праворадикальными силами в качестве оружия во внутривнутриполитической борьбе против либерально-демократических партий Веймара. В конце концов, будучи составной частью нацистской пропаганды, она действительно обернулась смертельным ударом против первой германской республики.

Вторая задача социал-демократического правительства представлялась не менее сложной – заключить мирный договор с победителями на фоне скептицизма в отношении республики и нужды послевоенного времени. 23 июня 1919 г. Национальное собрание Германии приняло решение согласиться с условиями мира без всяких оговорок, и уже 28 июня в Версале появились германские уполномоченные по мирному урегулированию министр иностранных дел Герман Мюллер (СДПГ) и министр юстиции Йоханнес Белл (партия Центра), которые в тот же день скрепили подписями документ. По иронии судьбы церемония подписания *Версальского мирного договора* состоялась в Зеркальном зале, где была провозглашена Германская империя и Вильгельм I объявлен императором.

Договор вступил в силу 10 января 1920 г. В статье 231-й, так называемой «оговоркой о виновности в войне», которую Г.Киссинджер назвал «грубейшим психологическим просчетом», говорилось, что Германия несет полную (вместе с союзниками) ответственность за развязывание первой мировой войны и заслуживает сурового морального осуждения. Именно на этом посыле базировалось большинство содержащихся в договоре мер карательного характера – политических, военных и экономических.

По договору Германия обязывалась вернуть Франции Эльзас и Лотарингию в границах 1870 года со всеми мостами через Рейн. Угольные копи Саарского бассейна переходили в собственность Франции, а управление областью было передано под управление Лиги наций на 15 лет, по истечении которых плебисцит должен был

окончательно решить вопрос о принадлежности Саара. Левый берег Рейна, включая города Кёльн, Кобленц и Майнц, оккупировался Антантой (Великобританией и Францией) на 15 лет. Германская часть левобережья Рейна и полоса правого берега шириной 50 км подлежала демилитаризации. Некоторые территории отошли Польше, Бельгии, Дании, Чехословакии. Кроме того, из-под юрисдикции Германии были изъяты и переданы под контроль Лиги наций крупные восточнопруссские порты на Балтике – Данциг (Гданьск) и Мемель (Клайпеда). В целом территориальные потери составили 70 000 кв. км (1/8 часть территории), людские – одна двенадцатая часть населения. Австрии запрещалось объединение с Германией. Колонии Германии были поделены между главными державами-победительницами.

В части, касавшейся военных вопросов, Версальский мирный договор содержал положение о том, что полное разоружение Германии должно было явиться предпосылкой к общему ограничению вооружений всех стран. Это дало впоследствии повод Берлину ссылаться на невыполнение союзниками обещаний об общем ограничении вооруженных сил всех наций и под этим предлогом отказаться от военных постановлений договора.

Всеобщая воинская повинность в Германии отменялась. Сухопутная армия, укомплектованная добровольцами, не должна была превышать 100 тыс. человек, включая контингент офицеров не свыше 4 тыс. человек. Генеральный штаб распускался. Все укрепления уничтожались, за исключением южных и восточных. Военный флот был сведен к 6 броненосцам, 6 легким крейсерам, 12 контрминоносцам и 12 миноносцам. Иметь подводный флот запрещалось. Остальные германские военные корабли подлежали передаче союзникам или утилизации. Численный состав ограничивался 15 тыс. человек. В качестве возмещения за суда, потопленные немецкими подводными лодками, Великобритания получала в форме приза большую часть германского торгового флота. Германии запрещалось иметь военную и морскую авиацию и дирижабли. Однако Германия освобождалась от оккупации. Для соблюдения выполнения военных условий договора создавались три международные контрольные комиссии.

Экономические условия договора были не менее жесткими. Были арестованы и секвестированы германские заграничные активы в размере 7 млрд. долларов, а также взяты многие германские патенты. В течение 10 лет Германия обязывалась поставить Франции до 14 млн. т угля, Бельгии – 80 млн., Италии – 77 млн. Она должна была также передать союзным державам половину всего запаса красящих веществ и химических продуктов. Она обязывалась отказаться от Брест-Литовского и от Бухарестского мира и признать и уважать независимость всех территорий, входивших в состав бывшей Российской империи к 1 августа 1914 года. Статья 116 мирного договора признавала за Россией право получения у Германии соответствующей части репараций.

В принципе можно согласиться с мнением отдельных историков¹, что в 1919 году целью держав-победительниц в отличие от мирного урегулирования после второй мировой войны был не тотальный демонтаж Германии как глобального игрока, а сдерживание, иными словами, наложение определенных ограничений и низведение страны из статуса великой державы, которым рейх пользовался до войны, в положение среднестатистического европейского государства. В пользу такой трактовки говорят как решение о ликвидации германских колоний, так и последующая интеграция Германии в Лигу наций.

Вместе с тем, в отличие от Венского конгресса на Парижской мирной конференции побежденные страны не были представлены. Напомню, что Советская Россия, которая также не была приглашена, подвергла жесткой критике это мероприятие. В результате получилось так, что Версальская система не включала в себя до недавнего прошлого две ведущие страны континента, – Россию и Германию – на которые в совокупности приходилось более половины европейского населения и самый крупный военный потенциал. Уже один этот факт, как подчеркивает Г.Киссинджер, обрекал версальское урегулирование на неудачу.

---

¹ См., например; Schöllgen G. Op. cit. – S. 52

Неразрывной частью Версальского мирного договора был устав Лиги наций. Вопрос об учреждении Лиги наций был важен по двум другим причинам. Во-первых, как международная организация Лига могла внести практический вклад в регулирование международных отношений и уменьшение опасности возникновения войны. Во-вторых, она предполагала включение в круг глобальных игроков Соединенных Штатов Америки (правда, Вашингтон так и не ратифицировал мирный договор), в-третьих, ее устав был призван дать правовую и моральную санкцию политике великих держав, легализовав ее тем самым в глазах общественного мнения².

Созданная союзниками военная контрольная комиссия не обладала правом независимой инспекции. Она могла лишь запросить у германского правительства информацию о германских нарушениях, которую нельзя было официально ни подтвердить, ни опровергнуть. Комиссия была распущена в 1926 году, оставляя проверку выполнения обязательств Германии на долю разведывательных служб. Неудивительно, что статьи о разоружении нарушались самым грубым образом еще задолго до прихода Гитлера к власти и его решительного от них отказа.

Для определения размера репараций была создана специальная комиссия держав Антанты. В своих расчетах она исходила из суммы всех военных долгов, включая рентные платежи всем государствам-участникам войны со стороны союзников. В 1921 году комиссия сделала заключение, согласно которому сумма причитавшихся с Германии репараций на 30-летний срок составила 132 млрд. золотых марок при шестипроцентных ежегодных выплатах и погашении долга. Условия платежей, иными словами, борьба за пролонгацию сроков и облегчение финансового бремени, стала в годы Веймарской республики главной темой всех внешнеполитических переговоров и в значительной мере осложняла внутривластную ситуацию.

Летом 1921 года Берлин внес первый взнос в счет репараций, произведя трансфер одного миллиарда марок (250 млн. долл.). Но немцы сделали это, отпечатав бумажные марки и продав их на открытом рынке как валюту, – иными словами, девальвировав собственную денежную единицу до такой степени, когда о трансфере мало-мальски значительных фондов уже не могло быть и речи. К концу 1922 года Германия запросила четырехлетний мораторий на репарации. К началу 1923 года Германия внесла всего 25 – 26 млрд. золотых марок. Из них 16 млрд. составляла стоимость германской собственности за границей и только 9,5 млрд. были изъяты из национального богатства страны. В эту сумму входили и натуральные поставки стоимостью 1,6 млрд. марок. Умышленное расстройство бюджета, изъятие крупной промышленности из налогового обложения, злостное уклонение от платежей – все это характеризовало нарушения со стороны репарационных обязательств³.

31 января 1922 г. министром иностранных дел Германии был назначен В.Ратенау. К этому времени в правительстве уже лежало приглашение от держав-победительниц принять участие впервые после окончания войны в международной конференции в Генуе для обсуждения с побежденными странами финансово-экономических вопросов. Среди приглашенных государств была и Советская Россия. Можно было с большой долей вероятности предположить, что обе стороны – две «парии европейской дипломатии» (Ллойд Джордж) – накануне конференции попытаются согласовать свои позиции. Дипломатические отношения после 1918 года не возобновлялись, но с мая 1921 года в обеих столицах начали свою работу торговые представительства.

По дороге в Геную советская делегация во главе с министром иностранных дел Г.В.Чичериным сделала остановку в Берлине. До подписания договора на этот раз не дошло – слишком велики были идеологические разногласия. Однако произошло сближение по многим деталям, что сделало подписание двустороннего соглашения в самом ближайшем

---

² Системная история международных отношений в двух томах/ Под ред. А.Д.Богатурова. Том первый. События 1918 – 1945 годов. – М., 2006. – С. 62

³ История дипломатии. Т.3. – М., 1945. – С.256

будущем практически делом решенным. В конце концов, договор был подписан в Рапалло «на полях» Генуэзской конференции.

Рапалльский договор, который Х.Шульце называет «единственным светлым пятном» в серии поражений и унижений, связанных с немецкой внешней политикой в первый период существования Веймарской республики, был ратифицирован рейхстагом 4 июля 1922 г. И если рейхсканцлер Вирт «благословил» договор, то нашлись и его противники. Среди них был депутат от Независимой социал-демократической партии Германии Рудольф Брайтшайд, который еще в апреле назвал документ «возможно, самым тяжелым уроном для немецких интересов на ближайшую перспективу», поскольку он-де мешает начинающемуся установлению взаимопонимания с Западом по экономическим вопросам.

Так оно и случилось. То, как немцы и русские нашли в Рапалло общий язык, вызвало сильнейшее беспокойство среди западных держав, но прежде всего во Франции. Мог ли быть достигнут прогресс в вопросе репараций на Генуэзской конференции без Рапалльского договора, остается открытым вопросом. Во всяком случае, перспектива субстантивного урегулирования финансового бремени Германии после советско-германского сближения приобрела довольно смутные очертания.

Зато наметилась совершенно конкретная угроза со стороны Парижа. Уже 24 апреля, через неделю после Рапалло, французский премьер-министр Раймон Пуанкаре в одном из свои публичных выступлений прямо указал на возможность военной интервенции Франции. 2 мая главнокомандующий союзническими войсками в Рейнланде генерал Дегут в свете подписания советско-германского договора писал военному министру Мажино, что Франции больше не стоит терять времени, если она хочет оккупировать Рурский бассейн.

Дальнейшие действия Парижа не заставили себя ждать. В конце 1922 года комиссия по репарациям констатировала сокращение поставок из Германии древесины и угля. И уже 9 января 1923 г. Пуанкаре отдал распоряжении об оккупации Рурской области – индустриального сердца страны французскими и бельгийскими войсками под формальным предлогом обеспечения деятельности специально направленной в регион контрольной комиссии. На деле цель акции состояла в том, чтобы иметь возможность эксплуатировать природные богатства региона. С оккупацией Рура Германия лишилась 88% угля, 48% железа, 70% чугуна. Среди немцев этот шаг вызвал бурю протестов, правительство же призвало население оккупированной области к пассивному сопротивлению. В Великобритании и США французский демарш был подвергнут жесткой критике.

Оккупация Рура стоила Франции больше той прибыли, которую она имела, так как добыча угля сразу же снизилась. В августе 1923 года в Рурской области началась грандиозная забастовка, 400 тыс. рабочих-стачечников требовали ухода оккупантов. Борьба в Руре была поддержана рабочими всей Германии. 12 августа забастовка привела к падению правительства канцлера Вильгельма Куно.

Для Берлина цена пассивного сопротивления оказалась непомерно высокой. Приходилось поддерживать миллионы людей в оккупированных областях. Уголь, который больше не поступал из Рура, приходилось закупать за границей, а так как к этому прибавилась нехватка налоговых и таможенных платежей, принявшая огромные размеры, образовался весьма значительный дефицит государственного бюджета, который можно было компенсировать только с помощью печатного станка. Поскольку финансовые возможности центрального правительства в ходе поддержки населения Рурской области были полностью исчерпаны, а марка рухнула в инфляционную пропасть*, новому коалиционному кабинета канцлера Густава Штресемана не осталось иного выхода, как прекратить 26 сентября пассивное сопротивление французам. Очередная капитуляция перед Парижем была негативно воспринята простыми немцами и расценена, как вторая проигранная война. Тем не

---

* Если в июле 1914 года один доллар США стоил 4,20 марок, в июле 1919 года – уже 14, то в январе 1922 – 191,80 марок. Стоимость доллара возросла в январе 1923 года до 17 972 марок, в августе – до 4 млн. 620 тыс. 455 марок, а 15 ноября 1923 г. составила 4,2 трлн. марок.

менее, Г.Штреземан видел в этом шаге единственный путь к новым переговорам, которые могли бы привести в конечном итоге к примирению между обоими народами. Ситуацию осложняло то, что единство республики подрывалось поддерживаемыми Францией попытками сепаратистов провозгласить независимую рейнскую республику и выйти из состава союзного государства.

Однако после того, как был положен конец пассивному сопротивлению и французы вынуждены были признать, что политика сепаратистов не находит поддержки среди населения, они прекратили реализацию своих далеко идущих планов и еще до начала предварительных переговоров по субстантивным вопросам Локарнской конференции вывели свои войска из Рурского бассейна. Денежная реформа, выразившаяся в введении рентной марки, и укрепление германской валютной системы также способствовали стабилизации внутривнутриполитического положения.

«Эра Штреземана»

Густав Штреземан основатель Немецкой народной партии, пробыл канцлером Германии с августа по ноябрь 1923 года, зато его канцлерство пришлось на самый тяжелый кризисный 1923 год. После смещения с поста главы правительства 23 ноября 1923 г. в результате вынесения рейхстагом вотума недоверия он встал 30 ноября во главе внешнеполитического ведомства, которым руководил в составе семи кабинетов вплоть до своей смерти, последовавшей 3 октября 1929 г. Германии в тот момент требовался достаточно дальновидный и терпеливый политик, который смог бы демонтировать или, по меньшей мере, ослабить дискриминационные оковы Версальского договора и обеспечить стране возвращение в круг влиятельных международных игроков. Именно таким человеком и был Г.Штреземан, который зарекомендовал себя как выдающийся государственный деятель, во многом повлиявший на германскую политику. Недаром историки назвали этот период «эрой Штреземана».

Политике Штреземана в значительной мере способствовали перемены в окружающем мире. Как в Англии, так и во Франции к власти пришли новые правительства, более открытые и доброжелательные в отношении бедствий и чаяний немцев, нежели их предшественники.

Сам Штреземан понимал, что курс на конфронтацию с Францией не принесет Германии никаких дивидендов на отдаленную перспективу, поэтому сосредоточился на установлении максимально возможного взаимопонимания с Парижем, твердо проводя курс на выполнение международных обязательств Германии. Фактически его политика базировалась на реалистической оценке возможностей страны в деле политического и экономического восстановления, для которого срочно требовались иностранные займы. Но чем больше успехов он добивался на международной арене, тем больше ненависти он вызывал у доморожденных националистов, обвинявших его в распродаже национальных интересов Германии. На самом деле Штреземан был просто немецким патриотом и реалистом, для которого примирение с Францией позволяло неконфронтационным путем выволить страну из репарационной ямы, что, в свою очередь, должно было привести к пересмотру существующего положения.

Долгое время фигура Штреземана была окутана ореолом идеализма и пацифизма. Но когда достоянием гласности стали его записки, то перед обывателем предстал расчетливый практик, следовавший, как и Бисмарк, принципам «реальной политики», добивавшийся, как замечает Г.Киссинджер, осуществления германских национальных интересов с беспощадной настойчивостью. Для него эти интересы состояли в том, чтобы вернуть страну к состоянию до 1914 года, сбросить финансовое бремя репараций. Добиться военного паритета с Францией и Великобританией, пересмотреть вопрос о восточной границе Германии и добиться аншлюса Австрии. «На мой взгляд, – писал Штреземан в секретном письме бывшему германскому кронпринцу 7 сентября 1925 г., – перед германской внешней

политикой стоят три большие задачи: благоприятное разрешение репарационного вопроса и обеспечение мира как предпосылки для будущего укрепления Германии. Во-вторых, я отношу сюда защиту немцев, живущих за границей, т.е. тех 10-12 миллионов соотечественников, которые в настоящее время живут в чужих странах под иноземным ярмом. Третья крупная задача – исправление восточных границ, возвращение Германии Данцига и Польского коридора и исправление границ в Верхней Силезии. В перспективе – присоединение немецкой Австрии, хотя я вполне отдаю себе отчет в том, что это не только принесет пользу, но и весьма осложнит “проблему Германской империи”⁴.

Глава германского МИДа предложил вынести новый график репарационных платежей на рассмотрение международного арбитража, справедливо полагая, что в международном формате будет легче минимизировать французские претензии. В ноябре 1923 года Франция согласилась с назначением американского банкира Чарльза Гейтса Дауэса, впоследствии вице-президента США (в 1925 году за свой план Дауэс был удостоен Нобелевской премии), на роль «беспристрастного арбитра» для рассмотрения вопроса об уменьшении суммы репараций, причитавшихся Франции. Рекомендации «комитета Дауэса», согласно которым устанавливался график платежей в ограниченных размерах в течение последующих пяти лет (сначала по 1 млрд. золотых марок в год, затем по 2,5 млрд.), были приняты на конференции держав-победительниц в апреле 1924 года.

За пять последующих лет сумма иностранных займов и инвестиций, поступивших в Германию, превысила сумму выплаченных ею репарационных платежей. Берлин выплатил примерно 1 млрд. долларов в форме репараций и получил около 2 млрд. долларов в виде займов, главным образом из Соединенных Штатов. По существу, Америка оплачивал репарации Германии, а Германия использовала остаток от американских займов для модернизации собственной промышленности. Это помогло Германии восстановить военно-экономический потенциал. До того Франция настаивала на репарациях, чтобы сделать Германию слабой. Вынужденная выбирать между слабой и неплатежной Германией и экономически сильной Германией, способной платить репарации, Франция предпочла последний вариант, но при этом вынуждена была не вмешиваться, видя, как репарации помогали возродить экономическую и, в конечном счете, военную мощь Германии. Реализация «плана Дауэса» позволила Германии уже в 1927 году превзойти довоенный уровень 1913 года. С 1924 по 1929 год объем производства в стране возрос на 50%, и во многих областях удалось отвоевать прежнее лидирующее положение на мировых рынках. При этом, однако, следует отметить, что подъем охватил только немецкую экспортную промышленность. Конъюнктура внутреннего рынка оставалась скромной. Только в 1927 году был достигнут уровень ВВП 1913 года, и вскоре кривая снова пошла вниз⁵.

По истечении в 1929 году срока действия «плана Дауэса» союзниками был предложен «план Юнга». Согласно этому документу германские репарации в очередной раз урезались и устанавливалась конечная, но весьма отдаленная дата их выплат.

Параллельно с упорядочиванием ситуации с репарациями для Штреземана было важно прежде всего стабилизировать ситуацию на западных границах Германии в целях умиротворения держав-победительниц, и лишь во вторую очередь – продекларировать мирное урегулирование споров на востоке, оставляя за собой полную свободу действий. В октябре 1925 года на конференции министров иностранных дел Бельгии, Великобритании, Германии, Италии и Франции с участием Польши и Чехословакии в Локарно было парафировано 9 документов, которые были подписаны в Лондоне в декабре. Непосредственным поводом к созыву конференции послужил меморандум германского правительства правительству Великобритании (в значительной степени инспирированный британской дипломатией с подачи Г.Штреземана) с предложением о заключении западноевропейского гарантийного пакта.

⁴ Цит. по: История дипломатии, Т. 3. Указ соч. – 319

⁵ Шульце Х. Указ соч. – С.152

Почерк Штреземана чувствовался в первую очередь в главном документе – Пакте между Германией, Бельгией, Францией, Великобританией и Италией (*Рейнский гарантийный пакт*). Его подписанты взяли на себя обязательство гарантировать «индивидуально и коллективно» сохранение территориального статус-кво, в частности неприкосновенность германо-бельгийской и германо-французской границ, как они были установлены по Версальскому договору, а также соблюдение положений договора относительно демилитаризации Рейнской области. В этой связи стороны взаимно обязались не предпринимать нападения или вторжения и не прибегать к войне друг против друга. Спорные моменты, которые не могли быть решены обычным дипломатическим путем, подлежали урегулированию в соответствии с арбитражными соглашениями (соглашения между Германией и Францией, Германией и Бельгией).

Франко-польский и франко-чехословацкий договоры содержали обязательство Франции оказать Польше и Чехословакии помощь в случае нападения на них Германии, однако активные действия Парижа ставились в зависимость от решений Лиги наций, т.е. фактически от позиции Великобритании, не связанной в отношении Варшавы и Праги никакими обязательствами. Таким образом, в отличие от западных границ Германии, ее восточные границы не гарантировались подписавшими Пакт державами.

По настоянию Германии в отдельном документе было зафиксировано такое толкование положений Устава Лиги наций о санкциях, согласно которому каждый член Лиги должен был бы участвовать в них «в той мере, в какой это совместимо с его военным положением, и с учетом его географического положения».

В отличие от Версальского договора Локарнские соглашения были заключены с Германией как с равноправной стороной. Германия вводилась в Лигу наций. Ей предоставлялось постоянное место в Совете Лиги как одной из великих держав. Отныне перед германской дипломатией открывалась широкая международная арена. Уже Рапалльский договор поднял ее авторитет. Заключение Локарнских соглашений означало прежде всего важный успех германской дипломатии, сделавшей очередной шаг на пути к ревизии Версальского договора и добившейся «равноправия» среди европейских держав в ущерб Франции: гарантии безопасности на Рейне исчерпывались фактически отказом от военного вторжения.

Лондон, а в значительной мере и Париж рассчитывали использовать договоренности Локарно в целях создания антисоветской группировки европейских государств. Что касается Берлина, то его позиция отразила, с одной стороны, стремление сохранить свободу маневра в отношении западных стран, а с другой – нежелание открыто отказываться от выгод сотрудничества с Москвой на основе Рапалльского договора. Антисоветская направленность Локарнских соглашений была существенно ослаблена в результате заключения в 1926 году по инициативе СССР советско-германского договора о ненападении и нейтралитете.

«Пакт Локарно» был встречен с преувеличенным облегчением, так как символизировал наступление, казалось бы, нового ненасильственного миропорядка. Его архитекторы министры иностранных дел Великобритании Аристид Бриан, Франции Остин Чемберлен и Германии Густав Штреземан были удостоены Нобелевской премии мира. Однако, фиксация двух категорий границ – признанных Германией и гарантированных другими державами и не признанных Германией и не гарантированных другими державами – «было не столько умиротворением Европы, сколько определением поля новых битв»⁶.

После Локарно в Германию устремился капитал, в основном американский, ускоряя модернизацию ее промышленности. Союзническая военная контрольная комиссия, созданная для надзора за разоружением Германии, была упразднена в 1926 году, а ее функции были переданы Лиге наций, у которой не было механизма проверки исполнения оговоренных решений.

⁶ Киссинджер Г. Указ соч. – С. 245

Вскоре после Локарнской конференции возник вопрос о вступлении Германии в Лигу наций. Этот вопрос уже обсуждался в течение 1925 года сначала на переговорах между Францией и Великобританией, а затем между этими странами и Германией. Союзники настаивали, чтобы Германия вошла в Лигу наций и безоговорочно приняла на себя обязательства по соблюдению ее устава. Это произошло 8 сентября, и уже 10 сентября 1926 г. германская делегация появилась в зале заседаний Лиги наций.

В июне 1927 года Париж направил в Вашингтон предложение заключить двусторонний договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики и об урегулировании всех споров мирным путем. Американцы долго взвешивали все за и против и, просчитав, что эта инициатива, во-первых, безвредна, во-вторых, перспективна с точки зрения получения «добавочной стоимости» накануне выборов в 1928 году, поддержали французов. Более того, государственный секретарь США Фрэнк Б.Келлог в ответном послании высказался за максимальное расширение круга участников – задумка столь же эффективная, сколь и бессмысленная, поскольку заведомо не содержала определение и классификацию войн. Эйфория возобладала над трезвым анализом, и 27 августа 1928 г. с большим шумом 15 стран подписали Парижский пакт (известный как «*пакт Бриана-Келлога*»), отвергавший войну как средство ведения национальной политики (впоследствии к нему присоединились еще 45 государств, включая СССР). Его быстро ратифицировало большинство стран мира, в том числе Германия.

По мере развития экономики Германии, возрастания на этой основе ее международного влияния немецкие правящие круги начали активнее добиваться пересмотра «плана Дауэса», который представлял собой лишь временное решение репарационной проблемы, поскольку оставлял открытым вопрос об окончательной сумме платежей. Требования Берлина были поддержаны Вашингтоном. Образованная Лигой наций комиссия передала рассмотрение репарационной проблемы специальному комитету экспертов, который приступил к работе в феврале 1929 года в Париже. Председателем комитета был назначен президент электротехнического треста Моргана Оуэн Д.Юнг, один из разработчиков «плана Дауэса». В обстановке острых споров эксперты в конце концов согласились с проектом, представленным Юнгом («*план Юнга*»), который по сравнению с «планом Дауэса» предполагал снижение общего размера репарационных обязательств Германии.

6 августа 1929 г. в Гааге открылась международная конференция по репарациям, на которой были представлены 12 государств: Франция, Великобритания, Германия, Бельгия, Италия, Япония, Чехословакия, Югославия, Польша, Румыния, Греция и Португалия. 20 января 1930 г. вопросы о германских репарациях были урегулированы, и состоялось подписание всех достигнутых соглашений.

В отличие от «плана Дауэса» «план Юнга» установил общий размер репараций, подлежащих уплате – 113,9 млрд. марок. Размер ежегодных платежей был определен на ближайшие 37 лет (начиная с 1 сентября 1929 г.) в сумме около 2 млрд. марок ежегодно. По истечении этого срока размер платежей мог быть пересмотрен или сохранен в прежнем объеме. Тем самым страны-победительницы стремились сохранить в своих руках рычаг давления на Германию и ее внешнюю политику.

Серьезным изменениям подвергся и порядок взимания репараций: впредь они должны были выплачиваться только за счет государственного бюджета и прибылей от железных дорог. Отчисления от прибылей промышленности отменялись. Отменялся также финансовый контроль и контроль за экономикой Германии. Для получения и распределения репараций, осуществления расчетов по межсоюзническим долгам был создан Банк международных расчетов. На практике его главной функцией стало финансирование германской тяжелой промышленности и военного производства. Банк способствовал укреплению позиций американского капитала в Европе.

По сравнению с «планом Дауэса» «план Юнга» имел для Германии существенное преимущество – он восстанавливал суверенитет страны в экономико-политической области.

Кроме того, его одобрение рейхстагом способствовало договорному урегулированию рейнской проблемы. 30 августа 1929 г. с Берлином было подписано соглашение о досрочном выводе оккупационных войск из Рейнской области. Таким образом эти два события окончательно «добили» Версальскую систему.

Мировой финансово-экономический кризис охватил все европейские страны, но Германию он поставил буквально на грань катастрофы. Несмотря на чрезвычайные указы канцлера Генриха Брюнинга о сокращении заработной платы и новых налогах, государственный бюджет Германии имел миллиардный дефицит. Число безработных выросло с 1,6 млн. в сентябре 1929 года до 4,3 млн. в сентябре 1931 года. В начале 1933 года оно составило уже 6 млн. человек. В 1932 году уровень промышленного производства сократился в два раза по сравнению с 1928 годом. Индекс курсов акций упал за тот же период на треть. Иностранная задолженность в начале 1931 года достигла 27 млрд. марок. В стране обострился кризис денежной и кредитной системы. Начался массовый отток капиталов за границу. Угроза финансовой катастрофы заставила германское руководство вступить с американцами в переговоры о предоставлении моратория. Однако надежды немцев не оправдались. Утечка золота из Германии за границу продолжалась. За время с 10 по 19 июня 1931 г. золотой запас рейхсбанка уменьшился на 1 млрд. марок. Тогда президент США Г. Гувер выступил с предложением приостановить на год все выплаты по международным правительственным долгам, репарациям и займам. Американское правительство прибегло к мерам экономического давления и вынудило Францию и Италию согласиться с отсрочкой платежей. Предложенный Гувером мораторий вступил в силу 15 июля 1931 г., и «план Юнга» фактически перестал работать. Формально он был отменен на Лозаннской конференции в 1932 году.

Лозаннская конференция была последней из международных конференций по репарационному вопросу. К этому времени с немцами уже нельзя было разговаривать языком ультиматумов. Она закончилась подписанием 9 июля 1932 г. соглашения о выкупе Германией за 3 млрд. золотых марок своих репарационных обязательств с погашением выкупных облигаций в течение 15 лет. Лозаннский договор, или, как его называли, «Заключительный пакт», был подписан Германией, Францией, Великобританией, Бельгией, Италией, Японией, Польшей и боитанскими доминионами. Он заменил собой все предыдущие обязательства по «плану Юнга». Однако решения Лозаннской не были претворены в жизнь. Этому помешал захват власти Гитлером, следствием чего была фактическая отмена репараций.

Во второй половине 20-х годов на фоне улучшения экономического положения Германия усиленными темпами вооружалась. Несмотря на версальские ограничения, ассигнования на военные цели из государственного бюджета росли из года в год. Если в 1925 году расходы на армию и флот составили 490,9 млн. марок, то к 1929 году они почти удвоились, достигнув суммы в 827 млн. марок⁷. Особенно быстро росли расходы на техническое оснащение армии и на строительство новых кораблей. В 1924 году на перевооружение флота было затрачено 5,3 млн. марок, в 1928 году – 58,9 млн., в 11 раз больше. И хотя новый «броненосец А» по водоизмещению не превышал установленных Версалем норм, по своей технической оснащенности он, однако, значительно превосходил броненосцы старого типа.

Для увеличения своего военного потенциала немцы использовали всевозможные обходные пути. Сверх разрешенного стотысячного рейхсвера они успели создать миллионную нелегальную армию, так называемый «черный рейхсвер». Легальные же сухопутные войска состояли из профессиональных кадровых офицеров и унтер-офицеров. Выходившие в резерв пополняли ряды военизированной организации «Стальной шлем – союз солдат-фронтовиков» (кстати говоря, с 1924 года Гинденбург был почетным членом

⁷ История дипломатии. Т.3. Указ соч. – С.390

«Стального шлема»), которая занималась их дальнейшим политическим воспитанием и военной подготовкой.

Курсом Рапалло

Особого внимания заслуживает тема российско-германских отношений периода Веймарской республики. После поражения Германии в войне и Ноябрьской революции, приведших к созданию республики, начался новый этап в отношениях между Берлином и Москвой. Россия, будучи самой активной союзницей Антанты, вышла из войны и заключила сепаратный мир с главным противником, перейдя таким образом из числа потенциальных победителей в категорию поверженных стран. Этот факт был отражен в Брест-Литовском договоре. В результате его заключения были установлены дипломатические отношения между кайзеровской Германией и Советской Россией, т.е. произошло признание последней де-факто и де-юре со стороны Берлина в качестве субъекта международного права.

Однако 5 ноября 1918 г. под предлогом того, что большевики якобы финансируют пролетарскую революцию в Германии, правительство принца Макса Баденского разорвало дипломатические отношения с Россией.

С прекращением гражданской войны в России и продвижением демократии в Веймарской Германии в обеих странах пришли к пониманию неизбежности налаживания двустороннего сотрудничества. В Берлине начались и активно велись зимой – весной 1921 года переговоры по подписанию трех российско-германских соглашений (о возобновлении торговых отношений, об отправке военнопленных и гражданских интернированных лиц, об учреждении регулярной курьерской службы между обеими странами). 6 мая 1921 г. в столице Германии было заключено «Временное соглашение между РСФСР и Германией», являвшееся несомненным успехом Москвы в деле восстановления дипломатических отношений. Соглашение закрепляло договоренности, открывавшие путь к восстановлению и налаживанию торгово-экономических и политических контактов между двумя странами. Его принципиальное значение заключалось в том, что в вопросе о признании советского государства оно шло дальше, чем аналогичные документы того времени, поскольку фиксировало представительство РСФСР в Германии «единственным представительством Российского государства в Германии».

Курс на взаимное сближение имел логично обоснованную историческую перспективу, и его сторонники занимали весьма ответственные посты как в Берлине, так и в Москве. В частности, нарком внешней торговли РСФСР Леонид Красин активно выступал за налаживание и интенсификацию российско-германского взаимодействия. «Россия и Германия, – писал он, – так сказать, созданы друг для друга. С одной стороны – гигантская страна с неисчерпаемым природным богатством и полезными ископаемыми, с многомиллионным трудовым населением; с другой стороны – индустриальная страна с новейшей техникой и с переизбыточным населением, для поддержания которого непременным условием является развитие экспорта и транспорта. Ни одна из западноевропейских стран не имеет такого опыта в сотрудничестве с Россией или такого глубокого и точного знания всех условий в нашей стране, как Германия. Сотни тысяч немцев жили до войны в России, многие из них были совершенными мастерами русского языка и имеют самые разветвленные личные контакты в России вдоль и поперек.

Наконец, вся наша цивилизация, прежде всего наше техническое развитие, промышленность и торговля, десятилетиями базировалась на работе в партнерстве с Германией, и для русского промышленника, торговца и даже рабочего легче найти общий язык с немцем, чем с каким-то другим иностранцем»⁸.

⁸ Цит. по: Mario R. Dederichs. Gemeinsame Geschichte: Deutsche und Russen//Der neue Flirt/ Klaus Liedtke (Hrsg.). – Hamburg, 1989. – S. 223.

Несмотря на тотальное поражение, такие европейские «тяжеловесы», как Германия и Советская Россия, начали довольно быстро выходить из состояния экономической разрухи и депрессии и вновь задавать тон в «концерте европейских держав». Точкой отсчета международного возрождения и восхождения российского и германского государств к вершинам мировой власти можно считать 16 апреля 1922 г., когда в итальянском городе Рапалло во время Генуэзской конференции министры иностранных дел *Г.В.Чичерин* и *В.Ратенау** подписали договор. Его особенность состояла в том, что поводом и основой послужило общее для двух стран неприятие Версальского договора.

Переговоры об урегулировании имевшихся спорных вопросов велись и до Генуи, в том числе в Берлине в январе – феврале 1922 г. и в ходе встречи Г.В.Чичерина с канцлером К.Виртом и министром иностранных дел В.Ратенау во время остановки советской делегации в Берлине на пути в Геную. Немцы долго колебались, поскольку сепаратный договор с Москвой, фиксирующий отказ от возмещения убытков, причиненных революцией, ставил под сомнение возможность восстановления отношений со странами-победительницами. В итоге было решено отложить решение до Генуи.

Договор между РСФСР и Германией предусматривал немедленное восстановление в полном объеме дипломатических и консульских отношений между обеими сторонами и урегулирование всех спорных вопросов путем взаимного отказа от претензий, прежде всего от возмещения военных расходов, равно как и убытков, причиненных им и их гражданам во время войны. Была достигнута договоренность содействовать развитию торгово-экономических отношений между Россией и Германией, руководствуясь принципом наибольшего благоприятствования.

Реакция в Берлине на урегулирование двусторонних отношений была смешанной, но в целом позитивной. В своих воспоминаниях видный немецкий писатель Бернхард Келлерман писал в 1946 году: «Когда я встретил Вальтера Ратенау после Рапалло, я поздравил его с его мужественным поступком...». «Вальтер Ратенау открыл ворота на Восток... Было совершенно ясно, - пишет он, - что Германия и Россия, казалось, были прямо-таки созданы для экономического сотрудничества. Германия была большой мастерской, оборудованной превосходными машинами, которые день и ночь изрыгали продукцию, громадная и таинственная Россия была величайшим производителем сельскохозяйственных продуктов и мощной кладовой неисчерпаемых запасов сырья». «Редко нашлись бы две страны, — говорил Келлерман далее, — которые так удачно могли дополнить друг друга...».

Подписание Рапальского договора, отмечает Г.Киссинджер, было неизбежно потому, что западные союзники predeterminedили это событие, «подвергнув остракизму две крупнейшие европейские державы посредством создания пояса малых, враждебных друг другу государств, а также посредством расчленения как Германии, так и Советского Союза. Все это создавало максимум побудительных мотивов как для Германии, так и для Советского Союза преодолеть идеологическую вражду и сотрудничать в деле подрыва Версаля»⁹. Хотя договор и не стал моделью для урегулирования отношений Германии с другими странами, тем не менее, он явился важной вехой в отношениях между Веймарской Германией и Советской Россией, наложившей отпечаток на их взаимоотношения с внешним миром. Договор подвел политико-правовую, экономическую и, что не менее важно, психологическую платформу под отношения двух стран, создав почти на целое десятилетие на востоке Европы лояльный фактор силы, дипломатического партнерства, расширявшихся экономических связей и военно-технической кооперации для Германии. Главное, что он нанес решающий удар по версальской системе, причем ее архитекторы тогда еще не осознали все его значение. Примечательно, что во время бесед в Генуе с

* Почти месяц спустя В.Ратенау был убит членами одной антисемитской организации

⁹ Киссинджер Г. Указ. соч. – С.235

Г.В.Чичериным канцлер Вирт высказывался за «восстановление границ образца 1914 года». В этом он был солидарен с многими представителями германского правящего класса.

Советской дипломатии потребовалось много усилий, чтобы перевести Рапалльские договоренности в практическую плоскость. Этому мешал курс РКП(б) и Коминтерна на подготовку революции в Германии в соответствии с принципами пролетарского интернационализма. Это привело в 1923 – 1924 гг. к некоторому охлаждению советско-германских отношений. Требовалось отделить курс Коминтерна от и государственной линии. Выступая на Всесоюзном совещании уполномоченных народного комиссариата внешней торговли 7 января 1924 г., наркоминдел Г.В.Чичерин настаивал на размежевании советского правительства и Коминтерна: «Между советским правительством и Коммунистическим интернационалом нет связи подчинения или взаимной зависимости. Советское правительство и Коммунистический интернационал друг другу не подчинены и не зависят друг от друга, и один из них не отвечает за другого. Мы не ответственны за Коммунистический интернационал, за его работу и деятельность. Это две организации совершенно различного типа, имеют совершенно различные области работы. Одна из них государственная, другая – партийная»¹⁰.

25 декабря того же года Г.В.Чичерин выступил с официальным предложением о заключении между СССР и Германией политического соглашения с обязательствами сторон не вступать ни в политические, ни в экономические блоки, договоры, соглашения или комбинации с третьими державами против другой договаривающейся стороны. Переговоры о советско-германском договоре проходили трудно и продолжались более года.

12 октября 1925 г. в Москве, за четыре дня до подписания Локарнских соглашений, был подписан советско-германский экономический договор, регулировавший ряд важных хозяйственных и юридических вопросов. Одновременно германский банк подписал соглашение с советским торгпредством в Берлине о предоставлении СССР краткосрочных кредитов

Россия и Германия развили политику Рапалло в Берлинском договоре от 24 апреля 1926 года, который обязывал обоих партнеров к строгому нейтралитету, если на другую сторону будет произведено нападение; каждая из сторон согласилась не присоединяться ни к какому политическому объединению или экономическому бойкоту, направленному против другой стороны. На деле это означало, что эти две страны в отношениях друг с другом выводили себя из системы коллективной безопасности. А Германия уже исключила себя из системы санкций против кого бы то ни было. Мотивами для заключения договора, который предстояло продлить в 1931 году были с советской стороны - беспокойство по поводу слишком сильной западной ориентации Германии и возможность ее вовлечения в антибольшевистский фронт капиталистических государств; с германской стороны - необходимость вести сбалансированную политику с Востоком и Западом; и не в последнюю очередь с обеих сторон - стремление к ревизии границ Польши, как восточных, так и западных. В этом вопросе обе державы были едины и постоянны, как и в неприятии Версальского договора.

В 1920 году после поражения в войне с Польшей Россия вынуждена была согласно Рижскому мирному договору от 18 марта 1921 г. признать польскую восточную границу, которая на 200 – 300 км пролежала восточнее так называемой «линии Керзона*», установленной союзниками в конце 1919 года. Немцы также были не согласны с территориальными потерями (Верхняя Силезия и «польский коридор») в пользу нового польского национального государства. Командующий сухопутными войсками Германии, архитектор послевоенной германской армии генерал Ганс фон Сект в начале 1920 года, накануне советско-польской войны, был убежденным сторонником того, что только «тесный союз с великой Россией» позволит Германии вернуть потерянные земли и восстановить ее

¹⁰ Цит. по: Очерки истории Министерства иностранных дел России.. Т. 2. 1917 – 2002 гг. – М., 2002. – С. 81

* Лорд Джордж Натаниел Керзон (1859 – 1925) – британский министр иностранных дел (1919 – 1924)

ведущее положение как мировой державы. Канцлер Й.Вирт, зарекомендовавший себя в качестве активного сторонника тайного сотрудничества между рейхсвером и Красной Армией еще в бытность министром финансов, полностью разделял позицию Секта. В 1922 году он неоднократно требовал разгрома Польши и восстановления за ее счет германо-русской границы.

Берлинский договор юридически закрепил обоюдную заинтересованность в дальнейшем развитии отношений в различных сферах и создававшего для этого определенный политический каркас, а также дополнительно стимулировавшего влиятельные группы интересов в Германии (промышленники, рейхсвер) к расширению сотрудничества с Советским Союзом.

Политика обоих государств, нацеленная на ревизию Версальского договора, поддерживалась контактами между Красной Армией и рейхсвером, которые были завязаны уже зимой 1920 - 1921 гг. и оставались в тайне до 1926 года. В начале 1921 года в военном министерстве Германии по инициативе фон Секта для организации сотрудничества с РККА была даже создана «Зондергруппа Р» (Россия), которая вошла в состав разведотдела генштаба рейхсвера. На рубеже 1923-1924 гг. филиал зондергруппы появился в Москве и начал свою работу в июне 1924 года. «Центр Москва» осуществлял связь между РККА и рейхсвером, контроль за деятельностью немецких (военных) концессий, за реализацией соглашений о создании и функционировании учебных центров рейхсвера в СССР (летная и танковые школы, а также аэрохимическая опытная станция), а также административный, хозяйственный и финансовый контроль над этими учреждениями. Кроме того, он информировал генштаб о военной политике СССР и действовал как административный центр для всего связанного с ним немецкого персонала, работавшего в СССР. Возглавлял центр бывший начальник штаба кайзеровской военной авиации (и ее родоначальник) полковник в отставке Х. фон дер Лит-Томзен¹¹.

Интерес российской стороны в двусторонней кооперации состоял в том, чтобы воспользоваться достижениями немецкой техники, германской стороны – чтобы с помощью России сбросить оковы Версальского договора в области подготовки военных кадров, самолето- и кораблестроения, производства тяжелой техники, а также боеприпасов и боевых отравляющих газов. К этому добавлялись обоюдные территориальные претензии к Польше.

Первые соглашения по военному сотрудничеству были заключены в конце ноября 1922 года между фирмой «Юнкерс» и советским правительством: они предусматривали производство металлических самолетов и моторов, а также устройство транзитного сообщения Швеция-Персия и организацию аэрофотосъемки (всего при участии немцев к концу 1925 года на заводе в Филях было построено 170 самолетов). 14 мая 1923 г. в Москве состоялось подписание договора о строительстве химического завода по производству отравляющих веществ (акционерное общество «Берсоль»). После парафирования в июле 1923 года договора о реконструкции военных заводов и поставках артиллерийских снарядов рейхсверу фирма «Круп» помогла советской стороне наладить производство боеприпасов (гранаты/снаряды).

В то время как Красная Армия использовала технические достижения германской военной промышленности и современные организационные методы германского генштаба, рейхсвер получил возможность готовить группы летчиков, танкистов и специалистов по химическому оружию (газам) в трех собственных школах, а также с помощью дочерних предприятий германской военной промышленности в России обучать своих офицеров обращению с новым оружием, изготовление и владение которым было запрещено Германии.

Россия имела, мягко говоря, достаточную разветвленную материальную базу в виде полигонов, соответствующей техники и мест для взаимного обмена опытом. Кроме того, режим в стране гарантировал высокую степень секретности. Неудивительно, что военные

¹¹ Горлов С.А. Совершенно секретно: Москва-Берлин, 1920-1933. Военно-политические отношения между СССР и Германией. – М., 1999. – С. 87-88

ведомства попытались максимально использовать эти возможности. На советской территории весной 1925 года в Липецке была организована авиационная школа. Договоры о создании двух аэрохимических станций (полигонов) – под Москвой (Подосинки) и в Саратовской области под Вольском (объект «Томка» у ж/д станции Причернавская) – и танковой школы в Казани были подписаны в августе и в октябре 1926 года в результате договоренностей, достигнутых в ходе визита заместителя Председателя РВС СССР И.С.Уншлихта в Берлин в марте 1926 года¹².

Военное сотрудничество достигло апогея в конце 20-х - начале 30-х годов. В этот период Германия вновь, как и до первой мировой войны, стала важнейшим торговым партнером Советского Союза (России). Основу сотрудничества составили экономические соглашения 1925 и 1933 годов. Если в 1923 году доля СССР в германском импорте составляла 1,5%, то в 1932 году она выросла до 5,8%. В том же году Советский Союз - как и Российская империя в 1914 году - получал 47% своего импорта из Германии.

Изначально заложенные в Рапальском договоре предпосылки для создания советско-германского альянса, однако, не были реализованы в силу ряда объективных причин. К ним следует отнести прежде всего несовместимость общественно-государственного устройства и уже как следствие - насильственную коллективизацию и первые репрессии в Советском Союзе, антисоветизм немецкой социал-демократии как реакцию на отношение к ней советского руководства, неудовлетворительное положение советских немцев, а также изменение международной обстановки, связанное с ослаблением Версальской системы и, соответственно, с укреплением позиций Германии. С падением Веймарской республики в российско-германских отношениях началась принципиально новая фаза, выведшая на международную арену идеологически соперничавшие, практически сотрудничавшие, а затем и напрямую противоборствовавшие тоталитарные режимы.

---

¹² Горлов С.А. Указ. соч. – С. 126 – 127